

гентки, проникнутые идеями анархизма. В отличие от Красной армии, где женщины могли быть мобилизованы на военную службу², в махновскую армию они попадали в основном по доброй воле (не считая пленниц). Лишь в ноябре 1919 г. когда «аппарат управления оказался в процессе эпидемии тифа настолько ничтожным, что приходилось мобилизовывать не только гражданский медперсонал, но и местное население, главным образом женщин, не связанных собственной семьей»³. Одни считали нужным находиться в Повстанческой армии по идейным соображениям, другие имели определенный интерес (прежде всего материального характера) или были склонны к авантюрам, третьи просто представляли категорию людей с психической патологией.

Самая известная женщина в махновском движении – Галина Андреевна Кузьменко, жена Н.И. Махно. Но помимо нее в движении приняло участие много женщин, которые наряду с мужчинами брались за оружие и шли в бой. Одной из таких воительниц была Маруся Никифорова.

Мария Григорьевна Никифорова (псевдонимы: «Маруся», «Марусяка», «Н.») (приблизительно 1883 – 1919), известный деятель анархистского движения, в годы Гражданской войны командовала «Вольной боевой дружиной», действовавшей на юге России самостоятельно и в составе Повстанческой армии Махно.

Дочь офицера, она порвала с родителями, примкнула к террористам-эсерам, а затем – к анархистам. В 1905 – 1907 гг. участвовала в «экспедициях», диверсиях и покушениях на местных чиновников в Александровском уезде. В 1908 г. была приговорена к смертной казни, но по юности и за принадлежность к женскому полу получила 20 лет каторги. Ей удалось бежать (в числе 13 политкаторжанок) и с 1909 по 1917 гг. она жила в США и Европе. В Париже она окончила офицерскую школу и стала первой эмигранткой-офицером.

В 1917 г. Никифорова возвратилась в родные места, создала ряд черногвардейских отрядов. В сентябре она попала в Гуляй-поле, где зарекомендовала себя еще большим радикалом, чем Махно. «Маруся» действовала со своими повстанцами стихийно и бесконтрольно. В мае 1918 г. вместе с войсками Советской Украины ее отряд отступил через Ростов – Великую к Киеву. Ее повстанцы повсюду требовали от советских властей продовольствие, но выполнять боевые приказы отказывались. Кончилось тем, что в сентябре, уже в Царицыне, она была арестована по решению Саратовского Совета «за противоправные действия», отстранена от командования «Вольной Боевой дружиной», вывезена в Москву и заключена в Бутырскую тюрьму. В результате проведенного дознания она была отпущена под суд ревтрибунала. При этом до начала суда выпускалась на свободу и участвовала в работе первого Всероссийского съезда анархистов-коммунистов⁴.

Ее «единоверец» анархист М. Чуднов, видевший ее летом 1918 г., описывает Никифорову так: «Это была женщина лет тридцати двух или тридцати пяти, с преждевременно состарившимся лицом, в котором было что-то от скопца или гермафродита»⁵. А комиссар М. Киселев вспоминал: «...Ей около тридцати – худенькая с изможденным, испитым лицом, производит впечатление старой, засидевшейся курсистки»⁶.

Д.В. Дробышевский

ЖЕНЩИНЫ В МАХНОВСКОМ ДВИЖЕНИИ

В Гражданской войне принимали участие около 70 тыс. женщин¹. Они оказались в армиях всех противоборствующих сторон, и в этом – характерный показатель раскола общества.

О количестве женщин в махновских формированиях достоверно не известно; это – медсестры, прачки, поварики, интеллигентки, занимавшиеся культурно-просветительской работой, командиры боевых отрядов и, наконец, жены командного состава и рядовых повстанцев. По социальному составу – преимущественно крестьянки, батрачки, работницы и интелли-

Судебное заседание состоялось 21 – 23 января 1919 г. Никифорова была признана виновной «в дискредитировании Советской власти своими поступками и действиями ее отряда в некоторых случаях (реквизиция продуктов, частных магазинов и т. п., в неподчинении Советам на местах в сфере военных действий)». Приговор суда Никифоровой удалось обжаловать. Были приняты во внимание боевые заслуги ее отряда в борьбе против немцев и контрреволюции, и она была выпущена на поруки по ходатайству члена ЦИК А.А. Карелина и командующего советскими войсками на Украине В.А. Антонова-Овсеенко. И уже в мае 1919 г. она была допущена к командованию своим отрядом.

Прибыв в район махновского движения, она произвела неблагоприятное впечатление на повстанцев, когда попыталась возмутить их докладом о репрессиях большевиков, то есть о ее осуждении на 6 месяцев условно. Махно по этому поводу заявил: «Если Никифорову судили коммунисты, то значит она заслужила этого»⁷. А на митинге 1 мая Махно собственноручно стащил Никифорову с трибуны, обвинявшую большевиков в предательстве революции⁸.

Махно отстранил Никифорову от ведения боевых операций и назначил заведовать детсадами и школами в Гуляй-поле⁹. Но в кипучей натуре «Маруси», видимо, не нашлось места материнским инстинктам и воспитательным навыкам.

Вскоре «Маруся» с отрядом Казимира Ковалевича (махновские контрразведчики Я. Глаззон и Х. Цинципер, бойцы Петр Шестерин, Александр Попов, Михаил Тямин, Михаил Гречаников и анархистка Любовь Черная¹⁰) направилась в Москву для проведения террористических актов против большевистского руководства. Но добравшись до Харькова, она повернула в тыл деникинских войск, где через 2 – 3 месяца вместе с анархистом Витольдом Бжостеком была схвачена и повешена в октябре 1919 г. в Севастополе¹¹.

В. Савченко пришел к заключению: Никифорова – человек «шизоидно-истероидного типа, чье состояние осложнялось, очевидно, травмами головы»¹². Он считал ее «авантюристкой во французском понимании этого слова», безрассудно преданной анархистской идее, шедшей на безумства ради ее воплощения¹³.

В 1920 г. в Повстанческой армии Махно появилась новая «Маруся» («тетка Маруся» или «Черная Маруся»), которая командовала махновским конным полком около года. Полк совершал рейды по тылам красных, действовал на Полтавщине, в районе Александровска, на Черниговщине. Фамилию этой «Маруси» история не сохранила, но ее часто путают с М.Г. Никифоровой¹⁴. Отряд ее действовал совместно с отрядами махновских командиров, сильно досаждая красноармейским частям вплоть до июля 1921 г.¹⁵

Известна и другая женщина-командир – Евдокия Феодосьевна Белаш-Дацюк, возглавлявшая отряд повстанцев, действовавший в 1921 – 1922 гг. на территории Донецкой губернии¹⁶.

Немаловажную роль в махновском движении играли «анархистки-интеллигентки»; имена некоторых из них еще при жизни стали легендой.

Прежде всего следует упомянуть об Ольге Ильиничне Таратуге (урожденная Рувинская; настоящие имя и отчество Элька Гольда Эльева) (1876 –

после 1938) – известная российская анархистка, участница нашумевшей «либмановской» акции 1905 г. Учительница, бывшая политкаторжанка (суммарно была приговорена к 21 году каторжных работ). В ноябре 1920 г. – представитель Революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) в Харькове при штабе Южного фронта, член секретариата Харьковской конфедерации «Набат». Была арестована в конце ноября 1920 г. в ходе операции по ликвидации махновщины¹⁷.

П. Аршинов в книге «История махновского движения» упоминает о некоей Елене Келлер – секретаре Культурно-просветительского отдела ВРС армии. До 1917 г. она участвовала в рабочем движении в Америке, в организации Конфедерации «Набат»¹⁸. Часто женщины являлись корреспондентами махновских печатных изданий. Например, К. Невская – член Культурно-просветительского отдела и корреспондент печатного органа революционных повстанцев (махновцев) Бердянского района «Вольный Бердянск»¹⁹. Житель Екатеринослава М. Гутмана, видевший занятие повстанцами города во второй половине 1919 г., описал их: «... На каждой тачанке сидело 10 – 12 вооруженных ружьями крестьян. Среди них немало и женщин, пожелавших последовать за мужьями в поход и... пограбить город... Прогарцевали по городу и несколько амазонок с черными, развевающимися до круп лошадей вуалями: это были несколько анархисток-интеллигенток, примкнувших к армии Махно»²⁰.

В конце сентября 1919 г. эти «амазонки с черными вуалями» уже «показали» себя. Один из идеологов махновщины В.М. Волин описал суд над деревенским священником, который выдал белогвардейцам 40 человек, сочувствовавших повстанцам: «На коленях священник подполз к молодой анархистке из секции пропаганды и, поцеловав ей платье, взмолился:

– Сестрица, заступись за меня... Я невиновен... Спаси меня, сестрица...

– А что я могу сделать для тебя? – ответила она. – Если ты невиновен – защищайся... Эти люди – не дикие звери. Если ты невиновен, никто не причинит тебе зла. Но если виноват, то что я могу сделать?

Какой-то повстанец на коне въехал во двор и, сквозь толпу пробравшись к попу, принялся хлестать его плеткой, при каждом ударе приговаривая:

– Не будешь обманывать народ! Не будешь обманывать народ!»²¹.

Через некоторое время священник был расстрелян²².

Об отношении махновцев к женщинам, оказавшимся в рядах армии, можно узнать из воспоминаний участников движения. Начальник штаба Повстанческой армии В.Ф. Белаш отмечает, что рядом приказов по армии «физическое насилие над женщиной» каралось смертью²³.

Г. Кузьменко в своем дневнике описывает, как сестры милосердия из гуляй-польского лазарета просили «хлопцев» взять их с собой и те им не отказали. Вероятно, по каким-то причинам их больше прельщала работа на поле боя, чем в тылу. Мотивация же повстанцев может быть объяснена потребностью быть рядом с женщиной, стремлением быть отмеченным ею среди других мужчин²⁴. Как и в русской армии, авторитет сестер милосердия среди «хлопцев» был высоким. Так, 12 октября 1919 г. при занятии

Бердянска махновскими частями 2-го Азовского корпуса отличилась «сестра милосердия Новоспасовского полка тов. Митранова»: «находясь все время в передовой цепи и будучи ранена, не отставала и с громким криком «вперед» приближалась к городу, пока не была вторично ранена, но и тогда без посторонней помощи вошла в город»²⁵.

А белый офицер А.В. Бипецкого, побывавший в плену у махновцев в конце 1919 г., вынес о махновских «сестрах милосердия» куда более прозаические впечатления: «не что иное, как сельские гулящие девки, но, по видимому побывавшие в городе и старавшиеся во всем подражать господам, начиная с нарядов и кончая языком. (Говорили они на каком-то странном диалекте: половина слов была украинских и половина – русских, причём скверного произношения; т[ак], например, они говорили: «И где вы идёте?»). К ним днём и ночью приходили их поклонники, и нередко в комнате из-за этих особ происходили драки и ссоры между соперниками»²⁶. Запомнились они и большевику В. Мирошевскому: «В «армии» Махно было довольно много женщин, именовавших себя «сестрами милосердия», но они не имели ни малейшего представления об уходе за ранеными и больными. Нужно, впрочем, отдать им справедливость: в бою большинство из них шло в передовой цепи, – часто без оружия, – захваченные общим стихийным порывом. Многие из них и погибали в боях рядом с «братишками»-повстанцами»²⁷. Белаш вспоминает то же: «В колоннах было много женщин – сестер милосердия и числящихся рядовыми бойцами, охваченных общим революционным порывом. Настроение у всех необыкновенно боевое»²⁸.

Однако исполнение ими их обязанностей нередко страдало от такого «революционного порыва». Неказистая махновская частушка характеризует это так:

...И сестрички-молодцы
Вино распивают,
За то раненые наши
Без перевязки страдают²⁹

Наконец, немало женщин работало в разведке и контрразведке. Лев Задов, руководивший той и другой, активно использовал их. Так, агентом была и некая Тина – телефонистка села Большая Михайловка Александровского уезда (жена Махно с октября 1918 г. по март 1919 г.), беспартийная³⁰. Разведчицы обыкновенно действовали под видом «обиженных женщин – вдов и сирот, ищущих «защиты и правого суда»»³¹. В своих показаниях брат Льва Задова Даниил пояснял: «Разведка состояла из мальчиков-подростков, 2 стариков-крестьян и 4 – 5 женщин в возрасте от 18 до 25 лет. Работала по следующему принципу. На подводу, запряженную одной лошастью садилась женщина и один подросток, которые уезжали в тыл красных частей, с которыми махновцы вели тогда борьбу, и устанавливали месторасположение, количество и вооружение и по возвращении докладывали. Таких подвод посылалось 4 и таким образом о расположении Красной Армии было известно приблизительно на 50 – 60 километров в радиусе»³².

Конечно, «феминизация» махновской армии не была масштабной. И все же имела свои причины: демографические изменения в обществе, девальвация ценности семейно-брачных отношений, эмансипация («долой кухонное рабство!»), безработица, замена женщинами мужчин в определенных профессиях, местно-патриотические и революционные чувства. Мотивацией для подобного поведения служили: местный патриотизм («защищать родные хаты»), анархистские идеи (в том числе равноправие женщин и мужчин), материальная заинтересованность, устройство личной жизни и стремление помочь женским уходом раненым и больным повстанцам.

Примечания

¹ Иванова Ю.Н. Женщины в войнах Отечества // Военно-историческая антропология: Ежегодник, 2002. М., 2002. С. 355.

² Там же. С. 350.

³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Киев, 1993. С. 347.

⁴ Анархисты: Документы и материалы 1917 – 1935 гг. Т. 2. М., 1999. С. 168, 169, 188, 193, 198.

⁵ Савченко В.А. Авантюристы Гражданской войны: Историческое расследование. Харьков; М., 2000. С. 79–80.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ Цит. по: Шубин А. Анархистский социальный эксперимент: Украина и Испания, 1917 – 1939 гг. М., 1998. С. 35.

⁸ Там же.

⁹ Голованов В. Тачанки с юга. М.; Запорожье, 1997. С. 120.

¹⁰ Шубин А. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Российской революции. М., 2005. С. 236.

¹¹ Подробнее о М.Г. Никифоровой см.: Анархисты. Т. 2. С. 548, 550–551; Савченко В. Указ. соч. С. 65–86.

¹² Савченко В.А. Указ. соч. С. 5.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Беспечный Т.А., Букреева Т.Т. Правда и легенды о Махно. Донецк, 1996. С. 133.

¹⁵ Нестор Махно: Крестьянское движение на Украине, 1918 – 1921: Документы и материалы. М., 2006. С. 454, 464, 469, 470, 623, 708, 711, 714.

¹⁶ Там же. С. 899.

¹⁷ Нестор Махно... С. 917; Анархисты... С. 565.

¹⁸ Шумов С., Андреев А. Махновщина. М., 2005. С. 321.

¹⁹ Нестор Махно... С. 221.

²⁰ Нестор Иванович Махно: Воспоминания, материалы и документы. Киев, 1991. С. 80.

²¹ Цит. по: Голованов В. Указ. соч. С. 209.

²² Там же.

²³ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Указ. соч. С. 349.

²⁴ 40 дней в Гуляй-поле: Дневник матушки Галины – жены батьки Махно. Владимир, М., 1990. С. 5.

²⁵ Цит. по: Голованов В. Указ. соч. С. 222.

²⁶ Нестор Махно... С. 782, 811.

²⁷ Мирошевский В. «Вольный Екатеринослав» // Пролетарская революция. 1922. № 9. С. 200.

²⁸ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Указ. соч. С. 354.

²⁹ Мирошевский В. Указ. соч. С. 205.

³⁰ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Указ. соч. С. 582.

³¹ Рыбаков М. Махновские операции в 1920 году // Красная армия. 1922. № 10–11. С. 12.

³² Цит. по: Беспечный Т.А., Букреева Т.Т. Указ. соч. С. 230–231.